

УТВЕРЖДАЮ

Директор Санкт-Петербургского
Института истории Российской Академии наук

д.и.н.

Н.Н. Смирнов

«13» сентября 2016 г.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Глушкова Александра Владимировича «Становление и эволюция прогрессивного национализма в позднеимперской России», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Последние четверть века, после падения марксистско-ленинской диктатуры в сфере идеологии, стали, для отечественной историографии, периодом подлинного ренессанса в области изучения самых разных сегментов политического спектра Российской империи начала XX в. Впрочем, и тогда политические партии, движения и течения не изучались так же интенсивно, как сейчас. То же самое относится и к зарубежной историографии, которая, в данном случае, лидировала, пока у отечественных историков не было соответствующих возможностей. Теперь, если вернуться к российской историографии, наблюдается скорее обратная ситуация, когда налицо даже некий переизбыток работ, посвященных партийной истории предреволюционной России и сказать новое и веское слово по этому поводу удается не всегда. Редкое исключение являет собой работа Александра Владимировича Глушкова «Становление и эволюция прогрессивного национализма и в позднеимперской России», представляющая исключительный интерес во многих отношениях. Прежде всего – это первое в научной историографии, как отечественной, так и зарубежной, исследование, специально посвященное изучению феномена прогрессивного национализма. Действительно, А.В. Глушков поставил своей задачей изучение прогрессивного национализма как общественно-политического течения позднеимперской России, эволюции его идеологии и политической

практики. Хотя, как справедливо отмечает диссертант, прогрессивный национализм оказался продуктом идейно-политических конфликтов периода Первой мировой войны, тем не менее, хронологические рамки исследования расширяются им вниз, до революции 1905 – 1907 гг., когда, как в зародыше, в русском партийном национализме появляются все его основные тенденции, в т.ч. и те, которые, как прогрессивный национализм, проявили себя в полной мере уже во время войны. Подобный подход нельзя не признать весьма резонным, особенно учитывая, что историки, изучающие феномены периода Первой мировой войны редко выходят за границы этого периода, как будто это – замкнутый временной континуум.

Диссертация А.В. Глушкова состоит из Введения, трех глав, Заключение, Списка использованных источников и литературы и трех приложений. Ее структура обладает логичностью, стройностью и обоснованностью, что, во многом, обуславливается содержанием Введения.

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, освещается степень изученности темы. В связи с этим диссертант подробнейшим образом анализирует историографию вопроса, подчас останавливаясь на работах имеющих лишь косвенное отношение к теме диссертации, что, конечно можно расценить лишь как ее несомненное достоинство. Во Введении определяются, также, цель и задачи диссертационного исследования, причем, в данном случае, в отличие от большинства диссертантов, А.В. Глушков пишет по существу дела, не впадая в логические и словесные неопределенности. Важное место во Введении занимает анализ источниковой базы диссертации, как неопубликованных, так и опубликованных. Автор обоснованно сомневается относительно достоверности мемуаров (с. 29), и потому использует их, а точнее – документы частного характера, довольно избирательно, однако при соотнесении мемуаров с другими источниками их информативный потенциал возрастает. Поэтому круг мемуаристов, хотя бы принадлежавших к

Прогрессивному блоку, можно было бы значительно расширить, и уж, во всяком случае, представляется обязательным использование более поздних воспоминаний В.В. Шульгина «Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны» (М., 2002). Впрочем, указанные воспоминания в известной мере повторяют более ранние и содержат информацию просветительного свойства, поскольку «Последний очевидец» был адресован советскому читателю. Можно, также, добавить, что упоминаемый среди мемуаристов Я.В. Глинка являлся не «секретарем Думы», а начальником ее Канцелярии, секретарем же нижней палаты был И.И. Дмитрюков. Хотя — на с. 85 А.В. Глушков называет Я.В. Глинку именно «руководителем думской канцелярии».

Содержащаяся во введении презентация методов и методологии исследования имеет ярко выраженный неформальный, сущностный характер — достаточно сказать, что она занимает 5 страниц, и также необходимо расценить как достоинство, столь редкое для кандидатских диссертаций, довольствующихся, как правило, формальным набором методов и методологических принципов. Во Введении, также, обосновывается научная новизна диссертации и ее научная и практическая значимость и содержится информация о степени достоверности и апробации исследования. Завершают Введение положения, выносимые на защиту, отличающиеся четкостью формы и емкостью содержания. Конечно, можно оспорить автора, когда он именуется Прогрессивный блок «думским либерально-консервативным большинством» — ведь консерваторы в узком смысле слова, т.е. Фракция правых, осталась за бортом блока, который состоял из либеральных фракций, поскольку националисты, как партия и фракция, были, все-таки, либералами, хотя и консервативными, самыми правыми. Применительно к Прогрессивному блоку можно было бы употреблять и понятие «лево-либеральный», поскольку лидирующее положение в нем занимали кадеты, т.е. левые либералы. Однако, поскольку в случае партийной системой России начала XX в. Спор о дефинициях еще продолжается, данное замечание имеет академический характер.

В главе 1 («Истоки прогрессивного национализма»), содержащей два параграфа, рассматривается левый национализм накануне и в начале Первой мировой войны. Принципиально важным является вывод А.В. Глушкова о том, что истоки раскола среди националистов складывались в течение длительного времени. Этот раскол имел серьезные социальные и идейно-политические предпосылки, несводимые к политической конъюнктуре, в чем прогрессивных националистов часто упрекали справа. В действительности данный раскол был обусловлен разномастным составом Всероссийского национального союза и думской Фракции националистов. Выступая за «господство русской народности» и «укрепление сознания русского народного единства», левые и правые националисты являлись носителями различных вариантов консерватизма. Если первые тяготели к сотрудничеству с либералами, поддерживая либеральные реформы и адаптацию российской консервативной идеи к модернизации, то последние видели своими стратегическими союзниками правых, которые считали реформу политической системы неудачной и настаивали на усилении в ней авторитарного, монархического начала. Первая мировая война лишь обострила указанное противоречие и превратила его в конфликт двух различных моделей патриотической мобилизации (с. 90). Вызывает, однако, сомнение, можно ли, в случае с левыми и правыми националистами, говорить о «различных вариантах консерватизма»? Ведь, как уже отмечалось выше, националисты, в конкретном политическом спектре Российской империи начала XX в. были, все же, либералами, хотя и самыми консервативными, с чем не спорит и диссертант. Не правильно ли видеть в левых и правых националистов различные варианты национализма, а не консерватизма, тем более, что элементы национализма имелись и у других, более либеральных, партий, например – у прогрессистов? По главе 1 можно сделать, также, еще два, менее существенных, замечания. Во-первых, в марте 1911 г., в связи с политическим кризисом вокруг закона о введении земства в Западных губерниях, палаты были распущены не на «несколько дней» (с. 44), а

конкретно на три дня. На с. 50 автор отмечает, что националисты отрицали существование в России конституции, однако тут же приводит относящееся к осени 1909 г. обращение графа В.А. Бобринского к кадетам: «Пока вы слово “конституция” не отмоете от той грязи, лжи и крови, которыми вы его покрыли, оно для нас неприемлемо». Иными словами, в сущности – налицо спор о словах, и фактически существование в России конституции националисты все же признавали.

В главе 2 («Возникновение прогрессивного национализма»), также содержащей два параграфа, диссертант уделяет особое внимание образованию думской Фракции прогрессивных националистов, в связи с формированием, в августе 1915 г., Прогрессивного блока, а также и идеологии прогрессивного национализма. В этой главе особую научную ценность имеет историко-социологический анализ личного состава прогрессивных националистов и националистов-балашевцев. Не меньшая научная ценность отличает и окончательный вердикт – кардинальных различий в социальных характеристиках двух депутатских групп, на которые распалась Фракция националистов, проведенный анализ не выявил. Очевидно, что истоки расхождений между ними лежали не в социальной, а в идейно-политической плоскости, в различных мнениях о путях решения ключевых проблем (с. 113). Вывод этот имеет и более общее научное значение, опровергая до сих пор еще широко бытующее в современной отечественной историографии доставшееся в наследство от советской историографии представление об обязательной детерминированности политического поведения того или иного актора исторического процесса прежде всего социальными причинами. Между тем, история постоянно доказывает обратное – решающее влияние на поведение актора не социальные, а идейно-политические детерминанты, и выводы А.В. Глушкова – лишнее тому подтверждение. В связи с исследованием идеологии прогрессивного национализма диссертант обращает внимание на то, что ее носители верили в возможность компромисса между Прогрессивным блоком

и правительством, и воспринимали лозунг «министерства общественного доверия» не столько как лозунг, сколько как реальную политическую перспективу (с. 126). Вместе с тем, несмотря на полемику с правыми, прогрессивные националисты, по мнению автора, «продолжали видеть себя консерваторами», хотя, в отличие от правых, являлись «сторонниками либерально-консервативного консенсуса» (с. 127). Здесь опять возникает вопрос о дефинициях, о соотношении, применительно к российским реалиям начала XX в. либеральной и консервативной идеологии, о внутренней дифференциации либерализма и консерватизма и о степени тождественности понятий «консервативный» и «правый». Очевидно, что первое понятие – содержательное по своей сути, а второе – ситуативное. Понятие «консервативный» применимо только по отношению к определенному сегменту политического спектра, между тем как понятие «правый» можно применять относительно любого сегмента – «правый националист», «правый кадет», «правый меньшевик» и т.д.

В главе 3 («Эволюция идейных установок и политических практик прогрессивного национализма») исследуется, с точки зрения упомянутых параметров, поведение прогрессивных националистов во время «осады власти» (сентябрь 1915 – октябрь 1916 гг.) и «штурма власти» (октябрь 1916 – февраль 1917 гг.). Можно только согласиться с диссертантом, когда он утверждает: «В вину власти вменялись и военные неудачи, и тяжелое экономическое положение. Однако, подвергая критике политику правительства, прогрессивные националисты в это же самое время видели своего главного политического противника вовсе не в бюрократах, а в правых» (с. 155). Поскольку же правые, по крайней мере – в Государственной думе, всегда поддерживали существующее правительство, то данное обстоятельство и привело к тому, что прогрессивные националисты постепенно перешли от «осады» власти к ее «штурму». Приведенные наблюдения А.В. Глушкова отличаются тонкостью, новизной и оригинальностью. На с. 113 автор указывает, что состоявшийся осенью уход

из Совета министров главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина и министра путей сообщения С.В. Рухлова «объяснялся болезнью обоих министров», однако на самом деле реально «по болезни» ушел только С.В. Рухлов, между тем как А.В. Кривошеин ушел из-за политических разногласий с председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным и самим Николаем II. На той же странице (с. 133) сообщается, что назначенный в сентябре 1915 г., вместо князя Н.Б. Щербатова, управляющим МВД А.Н. Хвостов «был выходцем из Фракции правых», но на момент получения министерского портфеля он являлся внепартийным правым, который открыто заигрывал с Прогрессивным блоком. Поэтому и неудивительно, что назначение А.Н. Хвостова прогрессивные националисты «встретили вполне лояльно». На с. 137 диссертант цитирует воспоминания В.В. Шульгина, но не приводит ссылку на них. На с. 142 автор, передавая мнение того же В.В. Шульгина, пишет о том, как общество увидело, что «поддерживавшие крайне правых министры, в частности – И.Г. Щегловитов и Н.А. Маклаков, сомневаются вести войну с Германией». Здесь необходимо было оговорить, что подобную репутацию упомянутые министры приобрели незаслуженно, поскольку являлись такими же сторонниками войны до победы, как и их более либеральные оппоненты. Досадно, что на с. 165 диссертант, объясняя мотивы поведения В.В. Шульгина накануне и во время Февральской революции, в частности – при отречении Николая II от престола, не использовал записки великого князя Николая Михайловича, который записал 4 января 1917 г., после беседы с М.И. Терещенко и В.В. Шульгиным: «Шульгин – вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! ... Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней (Александре Федоровне. – С.К.), к нему (Николаю II. – С.К.), и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!»¹. Как видим, политик, который очень скоро стал

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Записки // Гибель монархии. Серия: «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII – XX вв.». М., 2000. С. 71.

позиционировать себя как «рыцаря монархии», практически ничем не отличался накануне Февраля 1917 г. от принципиального республиканца, т.е. М.И. Терещенко. Неудивительно, что именно В.В. Шульгин, вместе с А.И. Гучковым, 2 марта 1917 г. отправился в Псков принимать отречение от ненавидимого им Николая II. Впрочем, А.В. Глушков совершенно справедливо отмечает, что участие В.В. Шульгина в отречении Николая II «стало символическим выражением разрыва прогрессивных националистов, многие из которых встречали революцию “с радостью”, со своим монархическим прошлым» (с . 166).

В Заключении диссертации приводятся основные выводы, к которым пришел автор диссертации, причем эта ее часть не является механическим соединением выводов предыдущих глав и параграфов, но имеет самостоятельное значение. Большое научное значение имеет следующий вывод: «Приняв непосредственное участие в “штурме власти” на рубеже 1916 – 1917 гг., сторонники Шульгина противопоставили себя русскому консервативному мейнстриму, ассоциировавшемуся, главным образом, с думской правой. Сдвиг части националистов влево стал важным фактором распада российского консервативного лагеря и падения самодержавия, политической опорой которого он служил» (с. 174). Вообще, большинство выводов А.В. Глушкова возражений не вызывают, поскольку полностью вытекают из проделанного им исследования и базируются на солидной историографической и источниковой базе. Здесь можно сделать лишь несколько отдельных замечаний. На с. 168 автор пишет про «бесплодность попыток думской оппозиции “достучаться” до правительства». Между тем, работы последних лет² показывают, что ситуация была как раз обратной: «достучаться» до оппозиции не могли Николай II и Совет министров – оно и неудивительно, если Прогрессивный блок сразу по возникновении встал в жесткую конфронтацию к существовавшему правительству, и эта

² См. в частности: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения «старого порядка» (1914 – 1917). Рязань, 2004.

конфронтация лишь нарастала, несмотря на то, что ее причина (возможность поражения России в войне) к началу 1917 г. напрочь отпала, пока... оппозиция не пришла к власти в результате революции. На с. 169 диссертант утверждает, что одной из ценностей «русского национализма кануна войны» являлась «сословная иерархия», с чем трудно согласиться: по инициативе кумира националистов, П.А. Столыпина, еще в октябре 1906 г. Николай II провел по статье 87 Основных государственных законов закон об уравнивании крестьян с остальными сословиями, и националисты полностью поддержали такое решение. Наконец, на с. 174 автор подчеркивает, что «разрыв прогрессивных националистов с иными консервативными политическими группами стал ярким свидетельством того, что российский консерватизм начала XX в. в целом оказался не в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации и обеспечить сохранение существовавшего в стране политического порядка». Все это, конечно, верно, однако в т.ч. и лидеры прогрессивного национализма (вспомним, хотя бы, того же В.В. Шульгина), вошли в правящую элиту Белой России, а значит, если бы Белое движение победило, «оказались в состоянии приспособиться к условиям политической модернизации». Впрочем, эта тем выходит за хронологические рамки диссертации, и может быть развита в дальнейшем, при переработке диссертации в монографию.

Список использованных источников и литературы, завершающий диссертацию, оформлен согласно действующим правилам.

Диссертацию существенно дополняют три приложения к ней. В первом из них впервые в историографии приводится полный текст «Заявления группы националистов, поданное в Совет Русской национальной фракции». Важность этого источника в том, что, собственно, именно это заявление и положило начало отколу от Русской национальной фракции Фракции прогрессивных националистов. Во втором приложении приводится список членов Фракции прогрессивных националистов и дается информация о каждом из них с точки зрения социально-значимых показателей – дата

рождения, губерния или город, от которых были избраны депутаты, их образование и профессия. Это позволяет получить коллективный портрет прогрессивных националистов, без чего невозможно адекватное представление о социальных корнях прогрессивного национализма. Наконец, в третьем приложении содержится визуальное сравнение прогрессивных националистов и националистов-балашевцев с учетом таких параметров, как возраст депутатов, их территориальная и сословная принадлежность и образование. Ценность этого приложения – в наглядном изображении социальной разницы (или сходства) между представителями левого и правого крыла русского национализма.

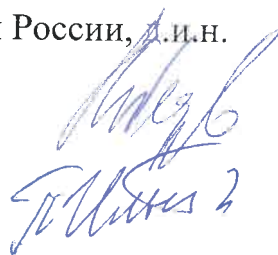
Работа А.В. Глушкова, однозначно является новаторским исследованием, в котором учитываются достижения отечественной и зарубежной историографии. Оно основано на скрупулезном анализе источников, в том числе и неизвестных ранее. Данная диссертация полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности «07.00.02 – Отечественная история». Содержание автореферата диссертации А.В. Глушкова соответствует содержанию его диссертации. Таким образом, А.В. Глушков полностью достоин присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела Новой истории России СПбИИ РАН ¹³ сентября 2016 г., протокол № ¹².

Отзыв составлен с.н.с. Отдела Новой истории России СПбИИ РАН, к.и.н. Сергеем Викторовичем Куликовым.

Заведующий Отделом Новой истории России, ^{д.и.н.}

Ученый секретарь Отдела, к.и.н.

С.К. Лебедев

П.В. Ильин